

ВЛАДИМИР МАКСИМОВ

СЕНСАЦИЯ МИРОВОГО УРОВНЯ

РАССКАЗ

*Сенсации нужно организовывать,
а не придумывать...*
Станислав Лем

Вообще-то сенсации, да ещё мирового масштаба, в научном мире явление крайне редкое. Ибо наука — это, прежде всего, кропотливое, неспешное, пошаговое изучение окружающего нас мира...

Однако сенсации всё же случаются!

Вот и студенту Иркутского государственного университета, специализирующемуся по археологии у известного в этой отрасли специалиста, профессора

МАКСИМОВ Владимир Павлович родился в 1948 году в Иркутской области. В 1972 году окончил охотоведческий факультет Иркутского сельскохозяйственного института; в 1987 году — Литературный институт им. М. Горького. Печатался в журналах “Байкал” (Улан-Удэ), “Сибирь” (Иркутск), “Сибирские огни” (Новосибирск), “Физкультура и спорт”, “Охота и рыбалка”, “Юность”, “Роман-журнал XXI век”, “Наш современник” и многих других. Учился в аспирантуре Зоологического института в Ленинграде. Работал на биологической станции на Белом море. Участвовал в морских экспедициях в Тихом океане, Японском, Беринговом, Охотском морях по изучению морских котиков. Работал в Лимнологическом институте на Байкале. Принимал участие в подводных экспедициях этого института. А также в разное время был учителем в школе, инструктором по плаванию, грузчиком, буровым мастером, заведующим культурно-массовым отделом в ДК “Нефтехимик” в Ангарске. Принимал участие в велопробегах “Пекин—Париж”. В числе немногих достиг столицы Франции, выступив в штаб-квартире ЮНЕСКО о включении озера Байкал в список мирового наследия. Много лет был корреспондентом различных газет: городских, областных, всероссийских. Член Союза журналистов и Союза писателей России. Автор множества книг стихов и прозы.

Германа Медведева, Фёдору Десяткину, заканчивающему четвёртый курс, несказанно, даже сказочно, если быть точным, повезло. Он стал первооткрывателем одного крайне удивительного явления, ни много ни мало мирового масштаба!

Подфартило, одним словом, пареньку, хоть и на непродолжительное время, сделаться поистине первым в таком непростом, весьма критичном к успехам коллег научном мире. Однако Фёдор Десяткин сумел попасть своим открытием в самое яблочко, в десяточку! Может быть, оттого, что фамилию имел тому созвучную. И фамилия эта несколько месяцев почти ежедневно мелькала на страницах сначала областных, а потом и российских газет, плавно переключаясь отсюда и в некоторые мировые издания, особенно научного толка. Ибо сенсации, тем более грандиозного, общечеловеческого уровня в науке, как мы уже упоминали, явление редчайшее, и любой народ сенсации любит.

Данная же сенсация заключалась в следующем. Фёдор, благодаря своей случайной, надо сказать, археологической находке, фактически сделал заявку на то, что Байкал — это не только будущий океан! В этом-то учёные как раз не сомневаются. Ибо берега озера ежегодно (и это научно доказанный факт) раздвигаются на два сантиметра и через определённое количество времени, исчисляемое миллионами лет, Байкал непременно соединится сначала с озером Хубсугул, что в Монголии. А затем, из-за дальнейшего расхождения литосферных плит, на которых, собственно говоря, и держатся все моря и суша, превратится в полноценный океан. Фёдор же, благодаря уникальной, как мы уже упоминали, археологической находке, мог перевернуть эту конструкцию с ног на голову. И с полным основанием утверждать, что Байкал океаном уже был!

Произошло же основное событие нашего повествования следующим образом. Переправившись на пароме на остров Ольхон, Фёдор сразу направился к дому своего старого знакомого ещё по прежней его поездке сюда, дальнему родственнику известного бурятского шамана. Знакомцем его был старик бурят с круглым, луновидным лицом, узкими щёлочками глаз, как будто всегда хитро прищуренных, и удивительно гладкой пергаментного цвета кожей.

Он любил сидеть с наружной стороны ограды у своего дома, глядя на безмерные просторы Байкала, ощущая, как лёгкий ветерок шевелит волосы его реденькой бородёнки и обвисших, тоже реденьких усов. Во рту он неизменно держал крепкими зубами короткую трубочку “носогрейку”, время от времени выпуская из носа или из угла рта сизый дымок.

Дом его в посёлке Хужир стоял на весьма приличном отдалении ото всех остальных строений, рядом с длинной песчаной косой, на которую у уреза воды то и дело накатывали плавные волны, ненадолго перекрашивая белый песок в тёмную, чётко очерченную полоску, глядя на которую почему-то думалось об осени.

Жил старик Иннокентий, а именно так все, от мала до велика, величали его в посёлке, уже давно один. Имея из живности только здоровенного, с серой пушистой шерстью, ленивого кота с наглым взором жёлто-зелёных глаз да старую белую лайку, с которой иногда зимой, как он говорил, “бегал на лыжах” на охоту, промышлять волков, переходящих в поисках добычи с материка на остров по льду Байкала, белок, лисиц, зайцев...

Основным же его занятием, кроме рыбалки, было вот такое почти неподвижное, будто полусонное, долгое созерцательное сидение на каком-нибудь чурбаке у прогретых солнцем досок забора, на которые он опирался спиной. Был он во всякое время года в своей неизменной ватной телогрейке и выдавшей виды ватной ушанке. На коленях его обычно дремал кот, а у ног, свернувшись калачиком, лежала собака. На подошедшего к деду Фёдора, она, кстати, только и отреагировала. Приподняв голову, взглянула на него, втянула носом воздух, и, опознав по запаху знакомого её хозяина, снова опустила голову на лапы. Дымчатый же кот, спящий на ногах хозяина, облачённых в толстую брезентовую робу, как и сам дед Иннокентий, даже не пошевелился. Может быть, оттого, что шаги Фёдора по вязкому песку были почти не слышны.

— Здравствуйте, Иннокентий, — громко сказал Фёдор.

— Однахо, здравствуй, — с видимой неохотой, будто от сладкого сна, отрываясь от созерцания сини Байкала, взглянул дед своими выцветшими слезящимися глазами в синие, широко открытые глаза Фёдора. — Давно не виделись. Чего приехал? Какие дела к нам привели? — соединяя все фразы в одну, проговорил дед и тяжёлой, изработавшейся, заскорузлой рукой погладил по спине кота, сразу же довольно замурлыкавшего и вытянувшегося у него на коленях. — Греет мне коленки, — кивнул он на кота. — А то болят нестерпимо. Ревматизма, говорят, от холодной воды. На рыбалке-то на коленях, в мокротени в лодке возишься с сетями...

И тут только Фёдор своим пытливым взором учёного археолога заметил, что сидит дед на сей раз не на обычном чурбаке, а на каком-то странном, сделанном вроде как из кости табурете. А присмотревшись внимательнее, понял, что это один из задних позвонков кашалота, с тремя боковыми отростками, как и полагается.

— Дедушка Иннокентий, — осторожно, словно боясь, что их кто-то услышит или сей мираж тут же рассеется, начал Фёдор, — а где вы такую табуретку взяли?

— А там, в конце косы нашёл, — беспечно махнул дед в дальнюю, пустынную сторону от своего дома. — Там ещё есть, — пыхнув душистым синеватым дымком из самодельной трубки, продолжил он. — Эту-то чурку я прикатил. Тяжёлая, брат, такая. Едва дотолкал до дома по песку. Эти вот отростки в песок всё время впивались. Хотел уж отбить их, да нечем было. А те остальные, такие же, на косе оставил. Зимой на санках привезу. Очень удобно на них сидеть...

С трудом дослушав пространную речь деда, Фёдор с замиранием сердца, уже предчувствуя сенсацию, спросил:

— А можете вы мне показать, где эту “табуретку” нашли?

— Вставать неохота. Пригрелся, — добродушно улыбнулся дед. — Да ты иди вдоль линии прибоя по косе — не промахнёшься. Они там, в конце косы, километрах в двух отсюда лежат. Видно, море их во время шторма, откуда-то сюда на берег выбросило, — высказал своё предположение Иннокентий. И закончил: — А потом возвращайся, чай с чабрецом будем пить, мясо кушать. Дело-то к обеду, однахо, идёт.

Фёдор почти бегом, хотя по песку бежать было трудно, добрался до края узкой песчаной косы, тянущейся вдоль берега Байкала, в конце которой, действительно, обнаружил спокойно лежащие на ней ещё два такие же идеально сохранившиеся позвонка кашалота.

Трясущимися руками, прерывисто дыша от быстрой ходьбы, он достал из своей спортивной сумки фотоаппарат “ФЭД” и с разных сторон сделал несколько снимков позвонков, положив рядом с одним из них (для масштаба) спичечный коробок...

Вернувшись вскоре в довольно чистенькую избушку Иннокентия и попивая с ним горячий, крепкий, душистый плиточный чай с козым молоком и лепёшками, слушая сердито клокочущий посреди стола самовар, Фёдор, внутренне будто всё ещё дрожа, как от озноба, и всё время глупо улыбаясь, спросил деда:

— А ещё у кого-нибудь в посёлке есть такие же или другие большие кости?

— Есть, однахо, — вытирая со лба пот цветастым платком, больше похожим на простынку для младенца, спокойно ответил дед. — У нас тут один косторез якут теперь живёт. Откуда-то с северов к нам, к своей дочери перебрался, вышедшей замуж в прошлом году за местного рыбака. Так вот, он разные поделки из кости режет. Из моржовых клыков или из кости моржового хрена, — неожиданно весело хихикнул дед каким-то своим мыслям. — Всяких зверушек из этих костей мастерит. Рукоятки для ножей. Женские украшения ладит такие, словно кружева из-под его руки выходят, — снова отчего-то хихикнул дед и добавил: — Ведь эта самая кость-то из хрена моржового у него до полуметра и более бывает. А зуб моржовый — сантиметров до восьмидесяти дотягивает. Но кости эти он вроде бы не то с собой привёз, не то по почте получил.

— А раньше здесь кто-нибудь подобные кости, вот как у вас, находил?

— Однохо, нет.

Посетив после обеда костореза, поговорив с местными жителями, Фёдор убедился, что о позвонках кашалота в посёлке никто ничего не знает. Да и в прошлом году, когда он был в Хужире, таких артефактов здесь точно не было. Десяткин решил, что позвонки, скорее всего, особо сильным штормом вымыло из песка. Сам же скелет кашалота наверняка лежит где-то в земле, неподалёку от линии прибоя, куда волны не достают. Возможно, что и совсем недалеко от поверхности. И его надо только откопать. Для чего нужно срочно, не задерживаясь тут, ехать в Иркутск или на реку Белую, если профессор Медведев уже там, и просить его об экспедиции здесь, на Ольхоне. Фёдор готов был сам её возглавить. Пусть только ему нескольких студентов дадут, чтобы всё здесь перекопать...

Получив в подарок от деда коготь медведя, украшавший прежде вместе с беличьими хвостами наряд шамана, Фёдор, вполне довольный, отбыл в Иркутск, сообщив Иннокентию, что вскоре вернётся обратно, скорее всего, на всё лето.

Профессор Иркутского государственного университета Герман Петрович Медведев был весьма известным в археологии учёным. Можно даже сказать, с мировым именем. И за свою немалую научную карьеру и открытиях всевозможных успел совершить немало. Например, он обнаружил и описал стоянку древнего человека на реке Белой в Восточной Сибири. Занимался “расконсервированием” из вечной мерзлоты обнаруженного в Якутии абсолютно целого, хорошо сохранившегося детёныша мамонта...

Одним словом, своей научной судьбой Герман Петрович мог быть вполне доволен. Огорчало его только то, что он никак не мог найти себе достойного, увлечённого археологической наукой так же, как и он сам, преемника. Чтобы, так сказать, после отхождения от дел передать бразды правления на возглавляемой им кафедре надёжному человеку. И порою этот зияющий пробел, даже лучше сказать — провал сильно печалил этого красивого, седовласого, ещё очень энергичного, с умными серыми глазами, тем не менее уже далеко не молодого профессора.

Единственный же его сын Дмитрий, с которым они после кончины матери Дмитрия уже давно жили вдвоём, к археологии интереса не питал, считая эту науку скучной и устаревшей. В связи с чем пошёл по совсем другой стезе. Окончив единственный в тогдашнем Советском Союзе факультет охотоведения, он с интересом, энтузиазмом и молодым задором занялся изучением уникальной кошки — снежного барса, ирбиса, обитающего в горах Центральной Азии, Туркмении и Южной Сибири. И надо сказать, в своём деле Дмитрий Медведев весьма преуспел. Особенно после нулевых годов, в начале двадцать первого века, когда уже не приходилось, как в прежние времена, так часто обходить пешком многие километры по почти невидимым, трудным горным тропам, по следам подсчитывая количество обитающих в данном ареале особей. Теперь же, лазая по горам, он мог поставить где-нибудь в укромном месте, где было много следов барса, фотоловушку, чем с успехом и пользовался, выставляя затем отснятый материал в интернете или показывая его на Иркутском телевидении, а затем и на российских каналах. Материалы его из жизни снежного барса в естественных условиях обитания вызывали у зрителей неподдельный интерес, отчего рейтинги программ, показывающих подобные съёмки, стремительно росли. И Дмитрий мог бы, кстати, неплохо зарабатывать на своих видео, поскольку телевизионные каналы разных уровней готовы были ему за это платить, но лишь за эксклюзивные съёмки. Предоставляемые только им и никому другому. Однако Дмитрий об этом как-то не задумывался и продолжал щедро поставлять свои уникальные съёмки с фотоловушек почти бесплатно любому первому подвернувшемуся каналу. Более того, он считал себя счастливым человеком, потому что мог заниматься любимым делом, у него была красивая жена и двое прекрасных карапузов-мальчишек. Деньги же, даже очень большие, как он интуитивно чувствовал, вряд ли могут сделать человека счастливым, но зато они могут его сделать зависимым от самих себя. А Дмитрий, как

и любой молодой человек, с ранней юности стремился к независимости и ничем не замутнённой, абсолютному счастью. Хотя, и тоже на уровне интуиции, очень хорошо развитой у него, понимал, что полного счастья никогда и ни у кого не бывает. И, скорее всего, быть не может.

Надо сказать, что Медведев-старший сыном в глубине души гордился, стараясь, впрочем, этих своих чувств не проявлять. У них в семье, и особенно после смерти матери Дмитрия, было так принято — никаких сантиментов. Всё, как в Спарте, по-мужски. Но при случае, особенно в последнее время, когда мог частенько видеть репортажи сына по телевизору, Медведев-старший всё же высказывал Дмитрию, что считает его занятия не наукой в её академическом смысле слова, а неким подглядыванием за жизнью гордой кошки с помощью новейших средств технического прогресса.

— То ли дело в археологии, — продолжал он развивать свою мысль, — там есть единственный, древнейший, как сама жизнь, инструмент — лопата да кисточки. И при помощи этих немудрящих приспособлений человек может сделать, если он, конечно, обладает пытливым умом и терпением, величайшие открытия. Подобные тем, какие посчастливилось сделать Генриху Шлиману, открывшему, а точнее — откопавшему Трою, в существование которой всерьёз никто не верил, считая повествование о Троянской войне и самой Трое, описанные Гомером, просто мифом...

Обычно при подобных разговорах Дмитрий отвечал отцу:

— Да я в археологии, отец, могу устроить за неделю сенсацию мирового уровня!

— Ну-ну, — покачивая головой и снисходительно улыбаясь, отвечал Герман Петрович, уходя в свой кабинет поработать. А точнее — поработать собранные в летних экспедициях артефакты. Черепки глиняных сосудов, с удивительными, частично сохранившимися на них рисунками, сделанными, как правило, красной охрой. Кремневые наконечники для стрел и другие осколки, отголоски прошлого...

Фёдору Десяткину с женщинами катастрофически не везло. Девушки первого и второго курсов, которых Фёдор как старшекурсник любил опекать, сначала совершенно искренне восхищались его эрудицией, всезнанием, да и внешним видом. Он был рыжеволос, высок ростом, подтянут. И даже в очень жаркие дни носил пиджак и галстук.

Однако, подружив с ним недолгое время, наивные девчушки обычно безо всякого сожаления расставались с ним, скорее всего, из-за его крайне занудного характера, который проявлялся у Фёдора в основном в мелочах. Например, он мог сделать знакомой девушке, с которой они обедали в дешёвой студенческой столовой, замечание, кажущееся самому ему очень важным, о том, что она держит вилку не в левой, как полагается, а в правой руке. Или что юбка его новой знакомой значительно короче общепринятых норм приличия, отчего девушка в ней выглядит вульгарно и вызывающе. Или он мог заметить, что кусок мяса нужно резать ножом не поперёк, а вдоль волокон...

Короче говоря, если знакомым Фёдора его въедливая дотошность, основательность и скрупулёзность совсем не нравились, то профессором Медведевым они были подмечены и оценены именно как положительные черты будущего преемника. Он стал привлекать Фёдора к археологическим летним экспедициям, во время которых усмотрел в толковом студенте не только основательность подхода к делу, но и пытливый ум и умение делать правильные выводы на основе порою весьма разрозненных фактов. Точнее, артефактов.

Однако планы самого без пяти минут выпускника Иркутского госуниверситета Фёдора Десяткина были не столь радужными, поскольку его только что оставила очень симпатичная второкурсница, с которой они дружили уже почти полгода и по отношению к которой Фёдор испытывал неподдельные нежные чувства, может быть, даже любовь.

В таких растрёпанных чувствах он и предстал пред очами профессора Медведева в его кабинете.

— Я хотел бы предложить вам, Фёдор Игнатьевич, — бодро начал профессор, — ещё раз нынешним летом съездить на Ольхон. Пообщаться с местными жителями, записать некоторые легенды о шаманах. Может быть, вам

даже удастся добыть какие-нибудь новые артефакты. Например, шаманский бубен или детали их одежды. Или что-нибудь ещё. Я думаю, недели две вам на всё это хватит. А потом, дополнив вашу курсовую о бурятских шаманах, которую я, кстати, с большим интересом и вниманием прочёл, ещё и новыми фактами, мы сможем сделать из неё отличную дипломную работу, после защиты которой, я уверен, уже не возникнет никаких препятствий для вашего зачисления в аспирантуру. — Профессор немного помолчал, надеясь увидеть радостную реакцию на лице студента. Однако не дождавшись её, поделовому продолжил: — А после поездки на Ольхон присоединяйтесь к нашей экспедиции. Мы будем, как и в прошлом году, на реке Белой. Там нынче сильно поднялся уровень воды, и по весне вымыло захоронение древнего человека. И, судя по обилию украшений, видимо, очень знатного.

Именно выходя из кабинета профессора, который так высоко оценил его курсовую работу, Фёдор и решил стать всемирно известным учёным. И пусть потом все эти вертихвостки смотрят на него снизу вверх с завистью и сожалением.

Сын профессора Медведева Дмитрий, человек весёлого нрава и приятной наружности, к своим тридцати годам, что у спартанцев считалось началом зрелости, успел уже не один раз “серьёзно” влюбиться. А один раз, как он сам говорил о себе, и “поджениться”. То есть, не вступая с женщиной в официально зарегистрированный брак, пожить со своей избранницей “для проверки чувств” какое-то время на съёмной квартире, ведя с ней общее хозяйство. С женщинами, по причине своей общительности, Дмитрий сходился легко. А расставался ещё легче, если только начинал чувствовать, что что-то в их отношениях идёт не так, как бы ему хотелось и виделось в его мечтах. Долгих объяснений он не любил, истерик не терпел, и своим недолгим подругам с невинной улыбкой обычно говорил:

— Мне кажется, дорогая, что мы с тобой друг с другом промахнулись. Оказывается, мы совершенно разные люди. И нам, я думаю, лучше расстаться, пока у нас ещё не завелись дети, неискоренимые домашние привычки и прочие вещи, с которыми бывает трудно расставаться. Ты же видишь — я тебе совсем не подхожу. Более того, я тебя не стою. Я по натуре своей авантюрист, а ты натура цельная, целеустремлённая. Тебе лучше избавиться от меня, как от ненужного хлама, как можно скорее. Тем более что ты так молода и красива. И, несомненно, безо всякого труда найдёшь себе достойного человека...

Перемен, правда, этих — от всепоглощающей его любви до всепоглощающей же потом скуки с одним и тем же человеком — Дмитрий в себе не любил и подобной кардиограммы чувств даже побаивался, полагая, что он просто не умеет любить или выбирает не тех, кого следует, тоже, по-видимому, не умея этого делать, всё чаще в связи с этим вспоминая изречение Вольтера о том, что за медовым месяцем обычно идёт потом месяц полынный.

Всё совместно нажитое добро он оставил своей супруге, с которой они прожили вместе примерно полгода, перестав платить за съёмную квартиру и заранее предупредив об этом свою недолгую подругу, на тот случай, если она решит продолжить жить в их квартире, на окраине города, где цены за аренду жилья не были такими уж заоблачными...

Собрав в спортивную сумку свои немногочисленные вещи — в основном, одежду, он снова перебрался в большую четырёхкомнатную, с высокими потолками квартиру отца. В центр города.

Грустить долго Дмитрий не умел. И душевные раны, как и раны обычные, зарубцовывались у него довольно быстро. Кроме всего прочего, он был лёгок на подъём, а потому порою совсем неожиданно мог оказаться, по роду своей деятельности или просто так, по своему хотению, имея в институте, в котором работал, как правило, три летних месяца отпуска, где угодно — на самом краю географии. Скажем, в предгорьях вершины Кодар, в Забайкальском крае, где, собственно говоря, и обитал объект его изучения — снежный барс. А то и вообще, помогая товарищу, отправлялся с ним, например, на Курильские или Командорские острова в Тихом океане для подсчёта численности морских котиков.

Вот и на сей раз он с удовольствием принял приглашение приятеля — охотоведа и своего однокурсника Олега Измайлова — “сгонять с ним на Камчатку” на нерест красной рыбы.

Ирина Снегова, о которой Дмитрий перед отъездом внезапно вспомнил, как он снимал её раза два в осеннем интерьере на набережной Ангары, была особой весьма примечательной. Она вела авторскую программу “Камертон” на одном из каналов преуспевающей телекомпании “АИСТ”, что расшифровывалось, как: “Альтернативная иркутская студия телевидения”. На свои авторские и почти всегда очень интересные передачи она приглашала обычно людей неординарных, известных и в нашем городе, и далеко за его пределами: актёров, музыкантов, писателей, журналистов, учёных... И затем в течение 45 минут вела с ними живую, непринуждённую беседу в прямом эфире.

До работы на телевидении в Иркутске Ирина успела закончить в Москве знаменитую “Щуку” и даже умудрилась сняться в нескольких средненьких по художественным достоинствам сериалах. Однако полноценная актёрская работа в Москве, как мечталось Ирине, у неё не задалась. И через несколько лет жития по съёмным квартирам в столице Ирина вернулась в родной город. На своей передаче она и познакомилась с Дмитрием Медведевым, вдохновенно рассказывающим в “Камертоне” не столько гипотетическим зрителям сей программы о предмете своего изучения — снежном барсе, — сколько её очаровательной ведущей.

Ирине Дмитрий тоже понравился. Причём настолько, что она готова была ехать с ним куда угодно. Хоть в предгорья Кодара, хоть на Камчатку, хоть на Сахалин. Правда, об этом она с Дмитрием не говорила, да и уезжать куда-то надолго тоже не собиралась, поскольку любила и ценила домашний уют и комфорт.

И вдруг, совсем неожиданно, после долгого исчезновения куда-то объекта её интереса (у Ирины за это время случилось одно серьёзное увлечение и такое же серьёзное, увы, разочарование) Дима позвонил ей и предложил слезать с ним на Камчатку. Недолго думая, Ирина согласилась. Увы, оказалось, что места в вертолёте для девушек не предусмотрено, и Дмитрий, горестно извинившись, пообещал вернуться через пару недель и сразу позвонить.

И надо же было такому случиться, что жизненные векторы таких разных людей, как Медведев-старший, Медведев-младший, Фёдор Десяткин и Ирина Снегова, пересекутся в одной конкретной точке — на острове Ольхон после невероятного археологического открытия, сделанного там Фёдором Десяткиным, с которым вскоре, после его ошеломившей научный мир удачи Ирина одной из первых запишет на видеокамеру репортаж прямо с места событий и вставит затем этот отснятый на Ольхоне материал в свою передачу “Камертон”, пригласив туда и Фёдора.

К счастью, профессора Медведева Фёдор застал ещё в городе. Показал ему сделанные фотографии позвонков кашалота и попросил об экспедиции.

— Да, всё это крайне интересно и неожиданно, — вертя фотографии в руках, задумчиво проговорил Медведев. — Может быть, это и есть то недостающее звено, отвечающее на вопрос, как могла появиться на Байкале, во внутреннем водоёме, к тому же пресном, такая сугубо морская представительница животного мира, как нерпа. Возможно, действительно, как предполагают некоторые исследователи, Байкал когда-то, в незапамятные времена соединялся неким образом с Мировым, а точнее — с Северным Ледовитым океаном. Если мы найдём тому подтверждение, это будет сенсация мирового уровня. Ведь не с неба же, в конце-то концов, эти позвонки кашалота свалились на косу Ольхона. Поезжайте, Фёдор Игнатьевич, назад и возглавьте экспедицию. Я, к сожалению, не смогу пока отправиться с вами. Жду коллегу из Москвы, которого обещал отвезти на Белую. Я вам дам трёх студентов. Лоботрясы они, конечно, редкостные, но зато землю роют, как кроты. Надеюсь, что вы обязательно, возможно, даже нынешним летом найдёте что-нибудь ещё. Часть остального скелета или рёбра, например. Удачи вам.

Через неделю Фёдор с тремя весёлыми, постоянно улыбающимися или смеющимися над своими же шуточками парнями был снова в Хужире. И первое, что они сделали после того, как поставили на конце косы, подальше от байкальских волн и посторонних глаз, большую восьмиместную палатку, в которой им предстояло жить всё лето, перенесли туда, под брезент, позвонки кашалота, чтобы их, в случае чего, не мочило дождём. Да и сохраннее они там будут.

Правда, студенты тут же собирались их приспособить для внутреннего пользования в виде табуреток, но Фёдор не позволил, переместив позвонки в самый дальний угол палатки и прикрыв их какой-то холстиной.

А через две недели к Фёдору как начальнику археологической экспедиции нагрянула неожиданно-негаданно целая группа журналистов и телерепортёров из различных областных СМИ, в которые неизвестно как просочились сведения о том, что на Ольхоне штормами вымыло из песка чуть ли не два скелета кашалотов. Осторожные, строго предположительные высказывания Фёдора о том, что Байкал, возможно, мог быть когда-то океаном, быстро были растиражированы во множестве газет в утвердительном смысле и превратилась в сенсацию, став из робкой гипотезы неоспоримой аксиомой, а имя Фёдора Десяткина как большого учёного стало мелькать на страницах газет. А после показанного на областном телевидении сюжета с места событий эти его видеointервью перекочевали и на некоторые центральные каналы телевидения...

Однако кроме обнаруженных так неожиданно трёх позвонков кашалота, несмотря на все старания, ничего больше отыскать так и не удалось. И в конце августа с тремя уже имеющимися позвонками (у деда Иннокентия его “табурет” также был изъят, а взамен ему было подарено раскладное кресло “для пикника”) Фёдор вернулся в Иркутск, надеясь продолжить разыскания на следующий год, только уже в другом месте, на мысе Покойников, ибо, учитывая преобладающие байкальские ветра и малоизученные байкальские течения, позвонки водной стихией могли быть перемешены именно оттуда, с этой южной оконечности наносной равнины, протянувшейся на семь километров у подножия Байкальского хребта, к северо-западу от Ушканьих островов, на которых в основном и обитает байкальская нерпа.

Одним словом, Фёдор, так неожиданно ставший узнаваемым даже простыми прохожими героем сенсации, был полон радужных планов и надежд!..

Вернувшись домой в их просторную гулкую квартиру, Медведев-младший первым делом устроил себе ванну с обильной мыльной пеной и, вдоволь належавшись в горячей воде после утомительной дороги, решил позвонить Ирине, о которой постоянно думал и по которой скучал. Она сначала обижалась на него, что обещал через пару недель вернуться, а пробыл на Камчатке всё лето, но потом сказала, что сегодня у неё очень важный эфир, приём с его отцом, а завтра она полностью свободна. И они договорились, что завтра он явится к ней с камчатскими фотографиями.

А в этот день Медведев-старший, вернувшись домой из телекомпании “АИСТ”, устроил для сына отменный ужин.

— Ты не смотрел сегодняшней “Камертон”? — спросил Герман Петрович.

— Нет, — ответил Дмитрий. — Мне надо было срочно плёнки проявить. Этим я и занимался весь вечер, заняв ванную комнату.

— Жаль, — проговорил отец. — По-моему, передача получилась неплохая. Да и после неё было столько звонков в студию, прямо обвал. Я и не думал, что люди так живо интересуются археологической наукой. Впрочем, ты же тоже участвовал когда-то в этой передаче, сам всё знаешь. Кстати, ты не находишь, что ведущая там очень милая, умная и интеллигентная девочка?

— Нахожу, — улыбнувшись, ответил Дмитрий.

— Да, — снова не без гордости проговорил отец, — передача явно удалась. Жаль, что ты её не посмотрел. Хотя я, знаешь, всегда как-то побаиваюсь прямых эфиров. Можно ведь ляпнуть что-то сгоряча, не обдумав как следует, и пойдёт оговорочка твоя гулять по свету, и не отмоешься потом, не отстираешь добела свою научную репутацию.

— Ну, ты, я думаю, ничего такого не ляпнул? — не то спросил, не то утвердил свою мысль Дмитрий, намазывая на кусок белого хлеба с маслом толстый слой красной икры, привезённой им в нескольких трёхлитровых банках с Камчатки.

— Надеюсь, что нет. Поскольку я в принципе пытался лишь озвучить некую, пока ещё очень зыбкую из-за малого количества артефактов научную гипотезу, не более того. Пусть и весьма смелую. Однако существующую пока что, так сказать, только в виде некоего научного предположения на основе некоторых, появившихся хоть и в малом ещё, неполном количестве фактов, найденных нынешним летом моим студентом.

— А где нашли позвонки кашалота? — чокнувшись с отцом, с невинным видом спросил Дмитрий. — В бухте Песчаной, на мысе Покойников или на Ольхоне?

— А откуда ты знаешь, что это были позвонки кашалота? — удивился отец. — Ты же сказал, что не смотрел сегодняшнюю передачу.

— Дело в том, дорогой мой наивный родитель, как ты помнишь, нынешнее лето я провёл на Камчатке. Так вот там, на одной косе у реки, впадающей в Тихий океан, вымыло разлившейся по весне рекой скелет кашалота. Ну, мы с Олегом выпивали как-то с одним из экипажей вертолётки и решили устроить, так сказать, рукотворную научную сенсацию. Путь-то у вертолётчиков лежит через Байкал. Вот мы и загрузили в вертолёт, привезя с косы на каком-то старом “запорожце” местного егеря, три задних позвонка кашалота, попросив сбросить сей бесценный груз на какой-нибудь безлюдной косе на Байкале. Лучше всего в бухте Песчаная, где летом настоящая Мекка туристов со всего света. А уж туристы-то потом и слух, и фотографии о позвонках кашалота по всему миру разнесут. Дескать, Байкал — родина китов! Правда, летуны сказали, что ночью они не летают. А летом, в дневное время, в Песчанке всегда море народу. Так что незаметно эти артефакты не сбросишь. Или, того хуже, кого-то покалечишь. Ну, и решили их сбросить или на Ольхоне, в стороне от Хужира, или на мысе Покойников, где народу почти никогда не бывает. И, с одной стороны, это хорошо — поскольку безопасно. А с другой — плохо, поскольку никто этого может не заметить. В конце концов, сошлись на Ольхоне, где есть и люди, и пустынные места. Впрочем, как пообещали вертолётчики, “будем действовать по реальной обстановке”. Так что точно я не знал, где они сбросили позвонки. Поскольку дня через два они улетели в Красноярск, а мы с Олегом недели через две отправились на север Камчатки. И я, честно говоря, и не надеялся, что это выстрелит, забыв даже о нашей проделке. Да и не был уверен, что вертолётчики своё слово сдержат. По пьянке-то чего не наговоришь. Так что я, отец, оказался прав, утверждая, что своими руками смогу сотворить в твоей науке сенсацию. Давай за это и выпьем. За рукотворную сенсацию! Или просто — за любые научные сенсации, будоражащие общественное мнение и не дающие народу закинуть. Как там у Высоцкого поётся: “Скисли душами, опрыщавели...”

Выпили молча. Хотя смятение профессора после слов сына было очевидным. И после долгой паузы он почти строго, но в то же время и растерянно проговорил:

— Дурацкие у тебя, надо сказать, шуточки, Дмитрий. И когда ты только повзрослеешь?

“Надеюсь, что никогда”, — весело хотелось ответить Дмитрию, но он промолчал, видя, что отец не на шутку расстроен.

— Ты больше никому об этой своей проделке не говорил? — спросил Герман Петрович.

— Никому, — ответил сын, глядя на отца честными глазами и искренне жалея о том, что всё так получилось.

— И не говори никому, пожалуйста, — с нажимом на последнем слове произнёс Медведев старший. — И Олегу позвони, скажи ему, чтобы не распространялся об этой вашей затее.

— Хорошо, — пообещал сын.

— А то уж больно глупо и некрасиво может получиться. Скажут, облапошили профессора, как малое дитя. Репутация моя научная может пострадать, пойми, — как-то совсем безнадежно и грустно произнёс отец.

На его глазах огромный розовый шар, превратившийся почти в дирижабль, способный перенести его с Десяткиным в любые дали, в любые страны, на любые международные научные конференции, стремительно сдулся.

— Да ладно, отец, не расстраивайся ты уж так, — попробовал Дмитрий успокоить отца, ощущая всем существом своим, как настроение родителя, доселе такое благодушное, резко изменилось. И видя, как тот почти машинально снимает с груди белоснежную крахмальную салфетку, виновато добавил: — Я же хотел просто пошутить. Не думал, что из-за этой ерунды такая шумиха поднимется. Давай лучше выпьем за мою девушку, — постарался он перевести разговор на другую тему, — с которой я в ближайшее время собираюсь тебя познакомить, но с которой ты, как выяснилось, уже знаком. И, судя по твоим словам, она тебе понравилась, что существенно облегчает мою задачу. Тем более что она, я очень на это надеюсь, возможно, вскоре станет твоей невесткой.

— О ком это ты? — недоумённо, спросил Медведев-старший. — О Сонечке Вексельберг, что ли? Если о Соне, то да, она мне нравится. И нравилась всегда. Очень приличная девушка, притом из хорошей, интеллигентной семьи. Дочь наших близких друзей, с которыми мы дружим с юности, с наших студенческих лет. Но, насколько мне помнится, она тебе никогда не нравилась. Даже в детстве, когда мы приезжали к Вексельбергам на дачу. Вы с ней всё время только и делали, что дрались. И ты всегда отмахивался, когда речь заходила о ней...

— Отец, я не о ней, — улыбнулся Дмитрий. — Я говорю об Ирине Снеговой, которая сегодня вела с вами “Камертон”.

— Наш пострел везде поспел! — не скрывая удивления, но уже без раздражительных нот в голосе произнёс Медведев-старший, снова так же машинально, как до этого, но только в обратном порядке закладывая салфетку за ворот рубахи. — Ну, и шалопай же ты у меня! — уже совсем примирительно проговорил профессор. И добавил, чуть более строго: — Матери твоей на тебя нет. Она и добра была необычайно, как ты помнишь, но и принципы свои блюла неукоснительно. Поблажек никому не давала. И любого могла приструнить и поставить на место. В этом вся её казачья родова была видна. Жаль, что она так рано ушла из жизни. Наверняка, порадовалась бы за тебя, дурачка... Ну, что ж, давай выпьем за это, надеюсь, это уже будет окончательный вариант, в отличие от твоего предыдущего, весьма неудачного опыта?

— Я тоже на это надеюсь, — задумчиво проговорил сын, когда они выпили. — И, может быть, ещё и потому, что от неё я хочу иметь детей.

— А жить где будете? Снова по съёмным квартирам мотаться?

— Да нет. У Ирины есть своя двухкомнатная квартира. От родителей ей осталась. Они вышли на пенсию и переехали на юг. В Краснодар, кажется, к сослуживцам отца — он у неё офицер. Поближе к Чёрному морю.

— А то могли бы жить у нас. Ей на работу было бы совсем близко ходить. Да и мне старику не так одиноко.

— Да какой ты старик, отец?! — искренне изумился Дмитрий и продолжил: — А тебе разве бывает одиноко? Мне всегда казалось, что ты полностью погружён в свою работу. А оттого всегда спокоен и уравновешен.

— Бывает. И довольно часто, надо сказать. Особенно в последние годы. Может быть, старость уже подкрадывается? — нарушив их негласный спартанский принцип, ответил отец, глубоко вздохнув. И немного помолчав и как-то машинально переправив в рот с тарелки солёный рыжик, так же негромко, словно признаваясь в чём-то слегка постыдном, продолжил: — Интендант наполеоновской армии Стендаль, о котором Толстой говорил, что он научил его понимать войну, говорил, что одиночество даёт всё, кроме характера. И это, пожалуй, верно. Более того, я глубоко убеждён, что каждый человек в своей душе одинок. А оттого и глубоко, не поверхностно несчастен, понимая это. Ты — нет, — бросил он быстрый взгляд на сына. —

Поскольку почти всё время находишься в той или иной степени в состоянии влюблённости. А любовь — это единственное действенное лекарство от одиночества. Я же по натуре своей однолюб. И всегда любил твою мать. И долгие годы был окружён её всегдашней заботой, вниманием и любовью, живя будто в некоем коконе, защищающем от всяких внешних невзгод. А когда её не стало, вдруг обнаружил, как бывает за этим “коконом” холодно, тоскливо и неудобно порой. А ещё с немалым изумлением обнаружил, что ты уже взрослый человек и ни в опеке моей, ни в любви, похоже, не нуждаешься. А я и не заметил, как ты вырос. И хотел бы, чтобы ты всё ещё оставался малышом, нуждающимся во мне. Вообще родителям я мог бы дать только один совет: “Успевайте любить своих детей — они слишком быстро растут”. Вот почему я и подумал о внуках. Может быть, им я сумею дать больше любви, чем дал её тебе. Они бы тут носились, а я бы с ними играл... — как-то беспомощно и вопросительно проговорил Герман Петрович, снова взглянув на сына, и продолжил: — Знаешь, Дима, иногда мне кажется, что, несмотря на все мои жизненные и научные успехи и удачи, я ощущаю жизнь, как злую шутку. Где злая — это драма. А шутка — то, что забавно. И получается в итоге — забавная драма. И это уже воспринимается не так ужасно. А это в принципе и есть наша жизнь. И я порой трезво и даже весело могу воспринимать абсурд человеческого существования, понимая, что любые внешние события всегда случайны. Даже эти вот ваши экзерциции с позвонками кашалота. Неслучайно только то, что происходит внутри нас. В наших сердцах и головах. Неслучайна (извини уж, повторяюсь) эта драма — вставать утром, ложиться спать вечером, суетиться в этом промежутке, и так до самой смерти. То есть драма — это в общем-то наша обычная, обыденная жизнь... Время от времени мы это осознаём, но, боюсь, крайне редко... И я, честно говоря, даже рад, что эта сенсация с “Байкалом — родной китов!” не удалась. Не знаю почему, но рад. Это как полезный урок или горькая пилюля, необходимая для выздоровления. Но это отнюдь не несчастье, поскольку несчастье ничему нас научить не может. Оно лишь ломает крылья. Припирает нас к стенке. И мы становимся слабыми. А сильными мы становимся только тогда, когда спокойны, когда счастливы. Когда любим. Вот и я сейчас и спокоен, и счастлив — оттого, что ты дома, что ты здоров и что ты влюблён.

В эту минуту Дмитрий вдруг отчётливо понял, как он, в сущности, мало знает отца и как сильно любит.

— И знаешь, что ещё, — продолжил Медведев-старший, — хочу процитировать тебе из Фолкнера. Может быть, и не дословно, но по смыслу точно: “Нет ничего лучшего, чем жить в то недолгое время, что нам отпущено. Дышать, быть живым и знать это”. Я бы ещё добавил: не растрачивая время на ерунду, на пустяки, то есть впустую. Ибо поиск счастья, в котором ты сейчас пребываешь, — это, быть может, и есть самая настоящая наполненная жизнь с постоянно присутствующей в ней мыслью о смерти, как ни странно это звучит. Ибо смерть — лучший знаменатель дел человеческих. И желательно, дел таких, за которые тебе не было бы стыдно.

Герман Петрович поднял бокал вина, мерцающего в свете старомодного торшера, как огромный рубин, и предложил выпить за это эфемерное, такое неуловимое, но такое желанное для всех, счастье.

— И подумай над моим предложением, — сказал он, когда они выпили. — Я имею в виду — жить всем вместе. Помнишь, как Пушкин перед своей женитьбой на Наталье Гончаровой из Болдино писал своему другу и издателю журнала “Современник” Плетнёву Петру Александровичу: “Всё решено, я женюсь!.. — и потом уже в конце письма шли размышления на самую дальнюю перспективу. — Мы будем старые хрычи. И жёны наши будут старые хрычовки. А детки будут молодые, здоровые, весёлые. Мальчики будут повесничать, а девочки — кокетничать. А нам-то и любо!”

И как раз в это время, так некстати, в их просторной прихожей назойливо зазвонил телефон.

— Это, наверное, Десяткин, — поднимаясь со стула, не совсем довольным тоном произнёс профессор. — Хотя приличные люди в такое время уже

не звонят. Поздновато для звонков. Почти десять вечера. Эх, жалко парня! Скажи ему, что я уже сплю.

— Слушаю, — подошёл к телефону Дмитрий.

— Меня надо не только слушать, но и слушаться, а также смотреть на меня, — игриво защebetала Ирина на другом конце провода. — Ты можешь говорить? Я не очень поздно? Если хочешь, приезжай, я по тебе ужасно соскучилась.

— Я тоже. К тому же, нам очень о многом надо поговорить! — радостно откликнулся Медведев-младший.

Увидев, как печально ссутулился отец, он, убегая, крикнул ему:

— Хорошо, папа, мы будем жить все вместе!